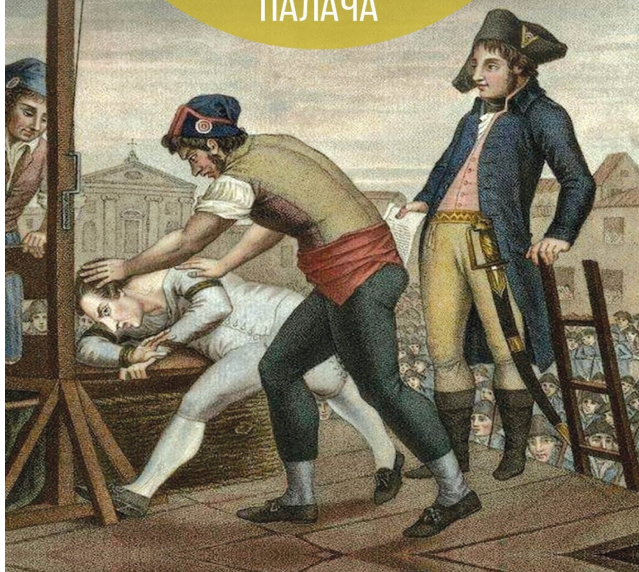

АНРИ
САНСОН

МОЯ ПРОФЕССИЯ —
УБИВАТЬ

МЕМОУАРЫ
ПАЛАЧА

Анри Сансон
Моя профессия –
убивать. Мемуары палача
Серия «Наедине с убийцей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67935998

Моя профессия – убивать. Мемуары палача:

ISBN 978-5-00180-636-3

Аннотация

Когда Наполеон Бонапарт поинтересовался у Анри Сансона, представителя легендарной династии палачей, как можно спать спокойно, убив без малого две тысячи человек, Сансон на это ответил:

«Если короли, диктаторы и императоры спят спокойно, почему же не должен спокойно спать палач?».

Анри Сансон – самый известный палач в мире, получивший в свое время прозвище Великий Сансон за свое рвение в работе. На протяжении семи поколений Сансоны были королевскими карателями. Автор этой книги избрал себе профессию в самый сложный период истории страны: во времена великой Французской революции. Пока Виктор Гюго писал свои, исполненные гуманизмом, статьи, Сансон день за днем рубил головы с плеч, оставаясь безмолвным и безжалостным свидетелем великих исторических событий. День за днем, час за часом

душу его точили сомнения, которые все сильнее беспокоили безжалостного убийцу. Эти сомнения вскоре превратилась в книгу воспоминаний великого палача.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Том I	6
Вступление	6
Часть I	8
Часть II	20
Предисловие	20
Глава I. Деградация или лишение прав и достоинств	24
Глава II. Пилори или позорный столб и каркан или ошейник	28
Глава III. Публичное признание в преступлении	31
Глава IV. Бичевание	34
Глава V. Истязания	40
Глава VI. Наказания, сопровождаемые смертью	46
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Анри Сансон
Моя профессия – убивать
Мемуары палача

© ООО «Издательство Родина», 2022

Том I

Жозюа: Вот человек, Жильберт, который лучше знает историю того времени, – это тюремщик Лондонской Башии.

Симон Ренар: Вы ошибаетесь – это палач!
Виктор Гюго. Мари Тюдор, день I, сцена II.

Вступление

18 марта 1847 года я возвращался домой, утомленный одной из тех долгих прогулок, в которых я искал лишь уединенных мест, чтобы подавить тяжкие мысли, волновавшие мой ум. Едва я успел переступить порог своего дома, и старая, столь редко отворявшаяся дверь, скрипя своими заржавленными петлями, успела затвориться за мной, как привратник вручил мне письмо.

Я тотчас же узнал большой конверт с огромной печатью, вид которого уже не раз приводил меня в трепет: внутренне содрогаясь, я взял послание и, ожидая найти в нем одно из тех зловещих приказаний, повиноваться которым я был вынужден в виду своей печальной профессии, тихо начал подниматься по лестнице.

Дойдя до кабинета, я с волнением вскрыл письмо,

которое должно было содержать чей-либо смертный приговор. Я развернул его.

Это было мое увольнение от должности!!!

Мной овладело странное и неопределенное чувство; я поднял взгляд к портретам моих предков, окинул мрачные, задумчивые лица – в них я читал ту же мысль, которая до сих пор угнетала и мое существование; я смотрел на своего деда, снятого в охотничьем костюме, задумчиво опирающегося на ружейный ствол и ласкающего свою собаку, быть может, единственного друга, которого он имел когда-либо; я взглянул на своего отца, снятого со шляпой в руке и в трауре, который он никогда не снимал при жизни. Я как будто хотел сообщить всем этим немым свидетелям, что, наконец, настал конец фатализму, тяготевшему на их поколении, и что я намерен теперь делать.

Позвонив, я велел принести себе чашку воды, и перед ликом Господа Бога, все читающего в наших сердцах и в глубочайших тайниках нашей совести, торжественно умыл руки, которым уже не придется быть запятнанными кровью себе подобных.

Затем я пошел в комнату своей матушки, бедной святой женщины.

Часть I

И у волков есть свое семейство!

Я как будто и сейчас еще вижу ее в старом бархатном кресле, с которого она с трудом вставала. Я положил на ее колени послание Юстиции. Прочитав его, она взглянула на меня своими добрыми глазами, в которых я столь часто черпал всю свою силу и бодрость, и сказала:

– Да будет благословлен день сей, сын мой! Наконец он избавляет вас от зловещей участи ваших предков; вы спокойно, в мире проведете остаток дней своих, и, может, Провидение не остановится на этом...

В страшном волнении, в котором радость так и прорывалась наружу, я не находил слов, чтобы ответить ей.

– Наконец, – продолжала она, – должен же был быть когда-нибудь конец этому. Вы последний из своего рода. Всевышний даровал вам лишь дочерей: я всегда благодарила его за это.

На другой день восемнадцать человек претендовали на мое место и сновали со своими просьбами с приложением рекомендательных писем по министерским кабинетам. Как видно, заменить меня было нетрудно.

Что касается меня, то я уже принял решение. Я спешил продать старый дом, в котором семь поколений моих предков провели свою жизнь в презрении и унижении, лошадей,

экипаж, на котором, наподобие герба времен крестовых походов, был изображен надтреснувший колокол – герб самый красноречивый. Одним словом, я избавлялся от всего, что могло поддерживать или возбудить память о прошедшем, и затем, отряхнув пыль с башмаков о порог двери, я навсегда оставил этот дом, где подобно предкам никогда не мог пользоваться ни спокойствием – днем, ни отдыхом – ночью.

Я бы уехал в Новый Свет, если бы меня не удержали преклонные лета моей матушки, к которой я с детства привык питать сколько любви, столько же и обожания. Слишком недостаточным казалось мне отделить себя пространством морей от Европы, где я был исполнителем столь печальной обязанности в кругу общества, которое считается одним из образованнейших. Америка со своими возникающими Штатами, едва начертанными законоположениями, первоначальными нравами, импровизированными городами, своими последними атрибутами невежества, умирающего под благотельным влиянием цивилизации, своими обширными степями и пустошами, девственными лесами и огромными реками, поэтические описания коих я читал у Шатобриана и Купера, – все это невыразимо привлекало меня. Мне казалось, что это страна возрождения и что, поселившись в ней и переменив имя, облаченное столь жалкой славой, на другое, я могу надеяться зажить новой жизнью и сделаться свободным и деятельным гражданином великой страны.

Прочтение в то время только что появившегося сочине-

ния Густава де Бомон и Алексиса де Токвиль об этой нации, которая, по их словам, является убежищем свободы, немало послужило к укреплению во мне этой мысли. И точно. Можно ли было предвидеть междоусобную борьбу, которая в настоящее время пожирает родину Вашингтона. Отец мой скончался семь лет тому назад. Я имел счастье пристроить двух дочерей. Бедняжки! Я должен умолчать фамилию, под которой они были вынуждены скрывать несчастное имя своего отца, чтобы не покрыть краской стыда их невинные личики.

Но в Париже меня удерживала цель выше всех соблазнов, выше всех приманок – моя мать, семидесятилетняя старушка, которая, несомненно, захотела бы сопутствовать мне, если бы я имел неблагоразумие открыть ей свое желание, и которая никогда бы не перенесла столь долгого путешествия. Поэтому я должен был остаться подле нее, чтобы не лишать ее забот, к которым она привыкла, охранять ее старость и спокойно закрыть ее глаза, столь часто переполненные слезами.

Увы! Это последнее горе уже вскоре постигло меня. Три года спустя я должен был перенести невозвратную потерю – смерть достойной и обожаемой женщины, дважды дав мне жизнь: носив меня в своем чреве и своими советами поддерживая меня в стойкости к перенесению моей жалкой участи.

То был роковой удар для меня, удар, который на долгое время погасил энергию, возникшую во мне при извещении

о моем увольнении. Между тем, шло время; я достиг того возраста, в котором человек не может питать иллюзию приступить к жизни вторично. Поэтому я окончательно бросил мысль покинуть Отечество.

Однако я спешил покинуть Париж и уехать в отдаленное и тихое местечко, где бы ничто не могло напомнить мне о печальном занятии в лучшие годы моей юности и зрелого возраста. Я ношу уже с двенадцатого года чужое имя, пользуясь с тайным чувством стыда дружбой, употребить во зло которую я боюсь, и утратить которую я опасаясь при первом открытии моего инкогнито; наконец, имея право любить только некоторых животных, товарищей моего уединения и которым (да простит мне читатель Пифагорскую чувствительность) я дарю удвоенные ласки, чтобы утешиться, чтобы найти силы подавить в себе человеческие чувства, казня себе подобных.

Увы! Напрасная предосторожность нашего бедного разума! Я чувствую, что здесь, в печальном моем уединении, где я думал найти убежище от моих воспоминаний, они против моей воли возникают и гнетут меня всей своей тяжестью. И вот, достигнув шестидесятилетнего возраста, утомленный жизнью, в которой я ничего не знал, кроме горечи, мне пришла странная, одуряющая мысль написать книгу, первые страницы которой посвящены «Предисловию».

Безделье и уединение – плохая среда для воображения, которое лишь требует объяснений. Поэтому я более не в со-

стоянии был оставаться наедине со своими мыслями.

Удрученный тысячью идеями, напоминавшими мне о моем зловещем предопределении с самого рождения, о моем звании, я невольно переносился к эпохе, когда случай, о котором я расскажу ниже и который, несмотря на действительность, напоминает по своему романтизму один из поэтических вымыслов нашей литературы, ввел в наше поколение зловещее наследие, передать которое мне, благодаря Господу Богу, некому. Я вспомнил ряд своих предков, в числе которых даже семилетний ребенок не имел пощады. Прадед мой, Шарль-Баптист Сансон, родившийся в Париже 19 апреля 1719 года, вступил в должность своего отца 2 октября 1726 года, но так как было невозможно, чтобы ребенок его лет сам мог выполнять такую обязанность, на которую был обличен, то Парламент дал ему в помощники палача по имени Прюдом, требуя, чтобы он хотя бы присутствовал при всех казнях, совершавшихся в то время, чтобы придать им законный вид. Разве это несовершеннолетие, и эти постановления правительства не достойны замечания в истории эшафота!

Я вспомнил своего деда, облаченного в одежду Несси, в ту отдаленную эпоху, в которую слово «страх» было выражением слишком нежным, когда он был вынужден отсекал кровавым лезвием топора головы как самых невинных, так и самых виновных людей. Потеряв всякое сознание своего униженного положения, не обращая внимания на презрение

жертв, которые, что касается меня, никогда не могли заглушить крика моего сердца и угрызений совести. Мое воображение рисовало мне этого старца, бледный лик которого я видел, будучи ребенком, исполнявшего свои зловещие обязанности среди борьбы пожирающих себя партий, видя побежденными – победителей вчерашнего дня, и на завтра – победителей сегодняшнего; исполнителя той жажды крови, которая была самым характерным явлением этого невероятного момента в нашей истории.

Наконец я вижу моего деда в ту минуту ужаса, когда 21 января 1793 года революция вторично представила свету королевскую голову, отсеченную кровавой рукой палача...

Я знал, какую страницу занимало это столь внезапно случившееся событие в нашей жизни, опасениях, слезах, угрызениях нашей совести, подкравшееся к нашему очагу, – это печальная страница в числе прочих, посвященных жалкому перечню, в который уже в продолжение полутора столетий мои предки день за днем вносили имена и поступки своего поколения.

Анализируя эти странные анналии, которые я сам продолжаю, которые возникли еще во времена «пудры» и затем существовали во времена регентства и царствования Людовика XV и, наконец, во время революции и в наш век; встречаю на каждой странице любопытные воспоминания, неизвестные истории того времени, множество преданий, сохраненных семейством, обреченным в продолжение двух веков,

подобно древним париасам, на уединение и презрение, которые, собственно говоря, составляют таинственные архивы для неизвестного будущего; встречаю в них как имена знаменитых, так и презренных людей – имена графа Горна возле Пуллалье и Картуша, Лалли Толлендаль и кавалера де Ла Барр, Дамиенсов и, наконец, короля во главе этого кортежа жертв мук, которые не находят себе подобных в истории. Я припомнил рассказы отца о временах Империи, адской машине, машинах Жоржа Кадудалья, товарищей Жеху, Шофферов, и проч., переместившись в те времена, когда мне самому приходилось пройти все те страшные случаи, кровавая развязка которых выпала на мою долю: присуждение четырех сержантов Ла Рошеля, Лувеля и всех помощников Жана Клемана и Равальяка, тщетно покусившихся на жизнь Людовика-Филиппа. Переходя от этих жертв фанатизма к жертвам судебных ошибок, как например, Лезурку, и наконец, к самым невинным преступникам: Дерю, Папавоану, Кастеню, Ласенеру, Суффлару, Пульману и прочих, в которых мы встречаем лишь разные виды преступлений и различные ступени человеческого развращения, я задал себе вопрос, что не скрываются ли в этом материалы для книги, польза и интерес к которой изгладили бы неприятное впечатление, произведенное именем автора, и не будет ли лучшим занятием моей старости труд по поводу этого сочинения.

Сознаюсь, и это мое извинение, что я не медлил ни минуты.

Поэтому я приступил к работе и немедленно стал писать свое произведение, справившись предварительно с «Историей казни и Палачей», которая, мне так казалось, могла быть весьма полезной при составлении этого сочинения.

Это сочинение – предлагаемая на суд публики книга.

Шум, возникший после одной из публикаций, дал мне понять весь риск, которому я подвергаю себя, но это не остановило меня. Быть может, предположили, что я выбрал из груды писем несколько фраз, составил книгу под своим именем, не убедившись в том, что это – чистосердечный, добросовестный труд, который мог возникнуть только в уме человека, удрученного горестями, ставшими его судьбой, и написанный по материалам оставленным мне моими предками. И это стало главной причиной стольких нападков еще до ее появления. Они должны, прочитав мою книгу полностью, лучше судить обо мне.

Быть может, читатели, столь жадно отыскивающие на страницах журналов описание главнейших казней, примут благосклонное единственное сочинение, представляющее верное описание всех кровавых драм, происходивших в последние два века нашей эры; быть может, презрение, связанное с моим прежним званием, презрение, которого я не хочу и не могу считать предрассудком, исчезнет хотя бы на минуту при чтении этого сочинения, большую часть страниц которого я посвятил философским, историческим и, могу сказать, моральным истинам.

Некоторые из представителей журнала «Фельетонроман» заклеямили анафемой заглавие моего сочинения.

Более снисходительные воскликнули: «К чему подобная книга?»

Увы! Я не имею права быть щепетильным, потому прошу только позволения возражать лишь тем, кто, как кажется, задал мне этот вопрос.

Если общество и отталкивает все, что касается памяти преступников, то оно должно все-таки принять то, что относится к памяти жертв.

Последнее биение сердца мученика принадлежит потомству: оно имеет право, его обязанность изведать – куда он обратил свой угасающий взор.

Поэтому позвольте человеку, которому ваши отцы, вследствие своего протеста, отвели ужасно мучительную роль высказать свое отношение к истории, рассказать то, что ему довелось видеть.

Если бы целью этого сочинения было лишь доставить новую пищу пошлому любопытству людей, которые не имеют мужества искать душевных волнений у подножия эшафота, и, между тем, хотят найти их в сочинении, которое представляло бы фотографический снимок этих сцен в театре смерти, то ваше презрение было бы основательно; но я бы бросил в огонь книгу, написанную с этой целью.

Наконец Богу не было угодно, чтобы мне пришла хотя бы на минуту мысль, как многие могут подумать, предпринять

апологию гильотины и восстановления звания палача! Скорее бы отсохла моя рука, чем начертала сочинение, столь противоречащее моим душевным мыслям и стремлениям в продолжение всей моей жизни. Напротив, если я и был воодушевлен свыше к изданию этой книги, то главным поводом к этому была необходимость постановки этого вопроса перед трибуналом общественной цивилизации, вопроса, о котором говорило столько знаменитых людей, начиная с Монтескье, Беккариа, Филанджери и до Виктора Гюго, которые требовали отмены беспощадного истязания, живым олицетворением которого я имел счастье быть.

Зная, насколько этот важный вопрос занимает умы всех, вследствие великодушного начала, сделанного одним небольшим Германским великим герцогством, родиной Гете; Шиллера и Виланда, этого германского Вольтера, я в свою очередь, не считал себя вправе оставаться более нейтральным, убедился, что мой священнейший долг, в виду своего бывшего звания, положить и свой черный шар или принести и свое свидетельство по делу этого великого процесса, который ведется уже более века против постановления, которое ни в чем не соответствует нашим нравам.

Ни одна книга не производила на меня в юности такого впечатления и влияния как «Последний день осужденного». В первый раз я ее прочел еще задолго до того времени, как мой отец потребовал, чтобы я впервые присутствовал при экзекуции, потому что если бы это требование было сделано

в то время, когда я уже находился под влиянием прочитанной книги, то я бы изменил обязанностям детского послушания.

И в настоящую минуту я ощущаю какое-то странное удовлетворение, что мне приходится обнародовать эту книгу в одно время с новым сочинением автора «Последний день осужденного». Не хочу оспаривать, что нас разделяет огромная бездна и что яркие лучи его громкой славы затемняют мою жалкую личность, но я, тем не менее, счастлив, что могу подать и свой голос за дело, лучшим защитником которого он всегда был и будет.

Если мне зададут вопрос: каким образом я при подобных правилах и чувствах столь долгое время мог выполнять работу, выпавшую на мою долю, то я могу только ответить одно: примите во внимание условия, в которых я родился. Говорят, что сыновья Жака д'Арманьяка ощущали на себе кровь отца, выступившую сквозь худо сколоченные доски эшафота. Так и я облачился в одеяние мужчины на алтаре правосудия людей в тот самый день, когда впервые присутствовал при своем отце во время выполнения казни, которую де Местр называет ключом общественного подземелья. Меч правосудия передавался в моем семействе, как шпага у дворян, как скипетр в фамилиях королей; мог ли я избрать иное будущее, отказавшись от памяти своих предков и не огорчая старости отца, спокойно доживающего свой век в моем доме? Тесно связанный священными узами с топором

и палкой, я должен был принять на себя темное пятно, перешедшее ко мне по наследству. Но среди своей печальной карьеры – последний потомок династии палачей – я, наконец, избавлен от красной обивки эшафота и скипетра смерти. Мог ли я спокойно лечь подле презренных могил моих предков и наблюдать исчезновение наказания, выполнение которого, вследствие смягчения нравов, делается день ото дня все реже, злодейство, бесчеловечность, как будто составляет последний остаток человеческих жертвоприношений времён варварства и невежества! Да скажут со временем прочитавшие эту книгу, закрывая ее: это духовная исповедь последнего из палачей!

Сансон.

Часть II

Исторический взгляд на различные роды казней

Предисловие

Прежде чем приступить к повествованию и коснуться тех из моих предков, которые предшествовали мне в выполнении ужасной должности исполнителя уголовных законов человеческого правосудия, я посчитал себя обязанным окинуть быстрым взглядом отвратительную цепь наказаний, с давних времен действовавших во Франции. Итак, я попытаюсь показать, до чего может дойти воображение человека в деле невежества и жестокости. Я приведу различные виды осуждения, различные роды наказаний, снаряды и машины казней и пыток, не стараясь, во всяком случае, описать все это в методическом целом, что могло бы походить на наши древние уголовные законодательства. Мне кажется, что холодные и глубокомысленные замечания законоведа показались бы скучными и даже излишними в этом сочинении, которое уже по внушаемому страху выполняет свое назначение. Если бы кто-либо из толпы, окружающей эшафот, поднялся и стал протестовать против силы и всемогущества за-

кона, то его бы не услышали, на него не обратили бы внимания, его голос, заглушённый стуком и звоном топора, не получил бы отклика. Страдания приговоренного к казни, приготовление к ожидающей его смерти, окровавленный эшафот скорее пробудят в самых жестоких сердцах чувство жалости, а в умах самых помраченных – понятие о правосудии.

Поэтому весьма трудно, если не невозможно, заключить в одну рамку «Историю о Казнях». Прочитав наши уголовные постановления и почти все законодательства Новейшей Европы, нетрудно отгадать философскую мысль, руководившую законодателем при издании их и теперь дышащую из каждого слова. Изложить в их настоящем смысле все примерные нравоучительные наказания, проследить цель, столь удивительно выраженную следующими словами Сенеки: *In vindicandis Inyuriis hael tria lex secuta est: ut eum guem punit emendet, aut poena ejus caeteros reddat meliores, aut ut sublati malis securiores caeteri vivant.* (При исполнении наказаний необходимо руководствоваться тремя правилами: чтобы через него виновный исправился, или чтоб оно послужило для исправления очевидцев, или же доставило бы спокойствие и оградило на время от подобных злоупотреблений прочих граждан). Таковы основания, которые при самом поверхностном взгляде на законоположения представляются нам, если законодатель отказался бы от своих слов. Отсюда возникает возможность, даже необходимость соединять с этими постановлениями частные условия законодательства

каждый раз, когда хотят предпринять общее и стройное изучение новейших законоположений.

Но такой поиск далеко не находится в подобных условиях, когда оно касается уголовных постановлений средних веков. Там, по выражению Монтескье, все – бездонное море и нигде не видишь берега, везде – вода и небо.

К сбивчивости текста, неверности чисел, невозможности составить хронологическую таблицу, присоединяется отсутствие всякого принципа и порядка. Уголовное законодательство, предоставленное на произвол капризам влиятельного принца, видоизменяется, смотря по состоянию его настроения, и даже, если случается, что оно составлено в виде народного благополучия, то все-таки мы в нем не находим того человеколюбия, той умеренности, которые составляют главную принадлежность, главную опору, силу и вечную славу XIX столетия.

Чувство человеколюбия, уважение границ, начертанных самим Господом даже по праву наказания, – вот чего не доставало прежним обществам; и этот недостаток составляет главную причину того характера законоположений древних и средних веков, характера, разбор которого я намерен заняться.

До 1791 года уголовные законы составляли Кодекс жестокости, облеченной в законную форму. Я разберу его главу за главою, то есть казнь за казнью, и читатели убедятся, что от преступника требовали не слезу раскаяния, а крика ужаса

и боли. В этом мы виним скорее палача, чем законодателя! «Если окинуть взором наши войны, наши законы, все, наконец, бесчеловечные и варварские наши заблуждения, – восклицает Сервет, – то можно подумать, что нам суждено провести на себе подобных все истязания, которые мы не перестаем производить на животных!»

Подразделение наказаний на телесные, лишаящие прав, звания и достоинств, и на моральные не будут описаны в данном сочинении, так как мало относятся к казням, которые весьма часто были лишь необходимым следствием совершенного преступления. Я предпочел идти по кровавому следу, оставленному людьми в области совершенных ими жестокости и бесчеловечности, и описать казни, распределив их, насколько это возможно, по степени их жестокости. Поэтому я опишу сначала те из них, которые наносили преступнику бесчестье, лишали его прав и достоинств, но оставляли ему жизнь, затем те, которые кончались лишь с прекращением его существования. В первой категории я дойду до увечий; во второй – я помещу все казни, имевшие один исход – смерть.

Одна глава будет посвящена пытке, судебному испытанию или допросу, и наконец, я закончу историческим очерком исполнителя всех этих жестокостей человека, которого во все века раздраженные народы клеймили постыдным именем Палача.

Глава I. Деградация или лишение прав и достоинств

В первой категории наказаний будут помещены: деградация или лишение прав и достоинств; пилори или позорный столб; каркан или ошейник; публичное признание в преступлении, бичевание и длительный список различных увечий. Первые три из этих видов казни более моральные, нежели телесные, может быть, и не заслуживают название казни; но они так несовместимы с современными нравами, имеют до такой степени характер жестокости и насилия. Исторические же документы, которые представляют изучение их имеют столько интереса, что я ни минуты не колебался включить их в состав этого Сочинения.

Деградация постыдным образом лишает человека, признанного виновным, его прав, должностей, привилегий, почетных титулов, принадлежащих ему.

Это наказание в высшей степени справедливое, преимущественно встречается у всех народов, достигших известной степени цивилизации. Моисей прибегает к нему, когда он, по велению Господа, срывает облачение верховного пастыря с Аарона за неверие приговоренного к смерти. В Риме оно существовало под различными названиями: лишение воинского права, разжалование, бесчестье, а в средние века, мы видим, что оно поражает как лиц духовных, так и лиц воен-

ного и гражданского звания.

В подобных случаях люди, принадлежащие к различным кругам, всегда были судимы лицами своего же круга. Священник являлся перед епископом, и приговор его приводился в исполнение обычно в церкви, дворянство назначало наказание дворянину, а Парламент произносил приговор над чиновником в зале своих совещаний. Ювенал Дезюрзен повествует, что два августинских монаха, обманувших Карла VI под предлогом исцелить его, были приговорены к смерти. Так как их священное звание служителей церкви не позволяло, чтобы над ними было исполнено светское правосудие, то казни должна была предшествовать деградация на Гревской площади. Эшафот, выстроенный перед ратушей и церковью Святого Духа, был соединен деревянным мостом с залой этой церкви. Через одно окно, служившее дверью, выходили два августинца, одетые так, как будто они идут к алтарю. Они приближались к эшафоту. Парижский епископ в папском облачении принимал их и давал им наставление, Потом, сняв с них рясы, патрахин, манипул и ризу, он велел в своем присутствии обрить им головы. Лишь тогда палач овладевал их особами, снимал с них одежду, за исключением рубашек, и в этом виде вел их на восьмиугольную башню, называвшуюся *des Halles*, чтобы отрубить им головы.

Даже смерть не всегда избавляла от деградаций. Известно жестокое мщение Этьенна VI. Едва избранный в 896 году в Папы, он велел принести

в Полное собрание синода труп Формоза в полном первосвященническом облачении; он вопрошает эту бессловесную жертву, обвиняет его в том, что он противозаконно овладел Римским престолом, произносит над ним анафему и передает в руки палача. Голова мертвеца была отрублена, пальцы, служившие для благословения, отрезаны, и все эти ужасные останки брошены в Тибр.

Служители правосудия, как говорит Лоазо, подвергались деградации публично. Он рассказывает факт об одном парламентском духовном советнике, по имени Пьер Леде, который по приговору в 1528 году был публично и торжественно лишен своего звания: с него сняли красное платье в присутствии всех и затем передали судье церкви.

Смертному приговору сановников и знатных лиц королевства всегда должно было предшествовать лишение их прав, титулов и звания. По этой самой причине канцлер и снял с маршала Бирона ленту ордена Святого Духа в минуту свершения его казни; в то же время он потребовал от него маршальскую трость, на что тот ответил, что он никогда не носил ее.

Деградация дворянина совершалась с величайшей церемонией. Тридцать самых безукоризненных кавалеров собирались на совещание и вызывали дворянина, обвиненного в измене правилам чести. Король или герольд читал ему обвинение в вероломстве и измене данной клятве, и если он не мог опровергнуть этого, то приступали к его деградации

следующим образом: публично выставляли два эшафота; на одном помещались судьи, окруженные герольдами и оруженосцами, на другом находился осужденный в полном воинском облачении; перед ним на столбе был прикреплен его щит, опрокинутый острием вверх. Затем с него, начиная со шлема, снимали все оружие, щит разбивали молотом на три части. Герольдмейстер ордена ленты выливал ему на голову струю горячей воды, а священники пели погребальные псалмы в продолжение всего времени, пока длилась эта трогательная церемония. По окончании ее судьи в траурных одеждах отправлялись в церковь, куда несли на носилках и осужденного. После того как присутствующие прочли отпевальные молитвы покойников, преступника передавали королевскому судье и в руки верховного правосудия. Иногда его отпускали, и он продолжал свою жизнь в бесчестьи.

Таким же образом капитан Франже, гасконский дворянин, изменнически передавший Фонтарабию испанцам, в 1523 году в Лионе был лишен прав и звания, а затем получил свободу.

Жусс рассказывает нам, что в его время деградация пришла в упадок, потому что пришли к выводу, что она рождена из самого преступления.

В 1791 году Кодекс наказаний снова ввел в исполнение вид наказания под названием деградации гражданства и установил следующий порядок ее выполнения: «Провинившийся, приговоренный к лишению прав и звания граждани-

на, будет отведен на публичную площадь, на которой заседают члены уголовного судилища и те, кто его судили. Актуарий трибунала обратится к нему со следующими словами: „Ваше отечество уличило вас в постыдном проступке. Закон и трибунал лишают вас прав и звания гражданина Франции. Затем осужденного прикрепят к позорному столбу...“»

Лишение прав и звания гражданина еще до сих пор существует в полной силе, но оно уже не производится торжественно и публично, а состоит в лишении известных прав гражданина, перечисленных в 34-м пункте Уголовного Кодекса.

Во всяком случае, по воинским уставам ни один приговор, лишаящий чести, не может быть приведен в исполнение прежде свершения деградации в формах, перечислять которые уже не входит в план моего Сочинения.

Я лишь упомяну, что если член почетного легиона приговорен к постыдному наказанию, то президент трибунала должен тот час же произнести над ним в деградацию следующих выражениях: «Вы изменили чести, и я объявляю вам от имени легиона, что вы исключены из его членов».

Глава II. Пилори или позорный столб и каркан или ошейник

Наказанию у позорного столба предшествовал каркан, введенный в исполнение в 1719 году, который был забыт

лишь в последние годы. Пилори – это столб или шест, к которому обыкновенно привязывали преступников в знак бесчестия. Его ставили в многолюдном месте. В Париже пилори находился на восьмиугольной, состоящей лишь из основания и одного этажа, башне, которая называлась Les Halles. Виновный там стоял в течение трех дней. Ежедневно, каждые полчаса, его заставляли обходить столб, для того, чтобы толпа могла его видеть со всех сторон. Такая демонстрация преступника в некоторых городах совершалась иначе. Так в Орлеане, где впервые был употреблен пилори, мы видим, что это – деревянная клетка высотой в шесть и шириной лишь в два с половиной фута, помещенная на довольно высоких лесах, в которую заключался осужденный. Понятно, что он был вынужден постоянно стоять на ногах. Народ имел право поворачивать клетку для того, чтобы лучше рассмотреть со всех сторон приговоренного, оскорблять его, плевать ему в лицо и бросать в него грязью.

Каркан или ошейник считался скорее дополнением пилори, чем новым видом наказания. Он состоял из железного кружка или кольца, которое исполнитель верховного правосудия надевал на шею тому, кого обличили в преступлении, злодеянии или измене. Приговоренного вели пешком, привязав его обе руки к тележке исполнителя или связав их за спиной. На месте, назначенном для выполнения приговора, находился столб, к которому была прикреплена длинная цепь, оканчивающаяся железным кольцом шириной в три

пальца и отворявшаяся посредством шарнира. Кольца надевали на шею приговоренного и затем запирали его каденасом. Я забыл прибавить, что часто к нему прикрепляли записку, в которой было описано преступление виновного.

К позорному столбу присуждали в следующих случаях: за банкротство, обман, двоеженство, сводничество, шулерство в игре, кражу полевых плодов, продажу запрещенных книг и, наконец, богохульство. В царствование Франсуа I и Генриха II это преступление наказывалось шестичасовым ношением каркана. Случаи, за которые присуждали к каркану в средние века, изменились, и в ту минуту, когда это наказание было вычеркнуто из Пенального кодекса, оно состояло в следующем: провинившегося прикрепляли за шею посредством железного кольца к столбу, выставленному на публичной площади, и таким образом он должен был стоять в продолжение одного часа на виду у толпы. Над его головой вешали дощечку, на которой крупными буквами были обозначены его имя, профессия, место жительства и причина его осуждения (пункт 22 и 24). Приговоренные к заключению или каторжной работе на всю жизнь или на время должны были быть прикреплены к каркану, прежде чем подвергнуться этому приговору.

Народы, у которых это наказание было в употреблении, довольно многочисленны.

У персов это было одно из самых обыкновенных наказа-

ний. Но у них каркан имеет отличие от того, который мы употребляли во Франции: он длиною в три фута и состоит из трех кусков дерева, из которых один меньше остальных, отчего такого рода ошейник имеет вид продолговатого треугольника. Шея провинившегося схвачена его вершиной, между тем как рука прикреплена к основанию. В колониях на шею дезертировавших негров надевали огромный каркан, к которому горизонтально был прикреплен длинный железный шест, мешавший ему проходить между деревьями. Иногда он должен был всю жизнь носить это тяжелое бремя.

Наконец в Испании и королевстве Тосканском это наказание употребляется также часто.

Глава III. Публичное признание в преступлении

В длинном и столь печальном перечне различных наказаний, которые в древние времена приносились над провинившимися, публичное признание в преступлении занимало одно из последних мест. Быть может, это возмутительное наказание должно было бы занимать более видное место, но оно поражало лишь моральную сторону и самолюбие человека и, наконец, не причиняло никаких страданий его материальной части, то есть его телу; историки той эпохи смотрели на него как на легчайшую из тех ужасных мук, которыми наказывался член общества, возмущенный против всего

этого. Я должен был смотреть, на этот вопрос, как и они; но я прибавляю, что это наказание, которому обыкновенно подвергались знатные осужденные, должно было быть хотя наименее ужасно – физически, но самое жестокое и мучительное – нравственно; даже скажу, что иногда оно было самым печальным и возмутительным.

Может быть, необходимо сказать несколько слов о позорящем наказании, которое состояло в том, что осужденного везли в тележке. Обыкновенно оно было лишь придатком или предшественником другого, более строгого и жестокого наказания. Однако в позорной телеге возили по городу воров и злоумышленников. «В то время (в средние века) телега была в таком презрении, что кто только побывал в ней, тот терял честь и уважение. И если только хотели кого-либо опозорить, то старались посадить его в тележку, потому что в те времена она заменяла позорный столб». Ехать в тележке было уже позорным наказанием для того, кто ему подвергался, – в этом нельзя сомневаться; и мы точно находим в романе Лансело дю Лак, что: «Один кавалер был лишен прав и звания, возим по городу в тележке, запряженной лошадью, которой были отрезаны хвост и уши; его сопровождал карлик, одетый в засаленную и изорванную рубашку, со связанными на спине руками; щит его был опрокинут. Его ратный конь шел за телегой, и народ кидал в него грязью».

Итак, в средние века (это факт) на телегу смотрели как на позорный экипаж. Потому мы не можем понять,

как сохранилось до сих пор обыкновение столь древнее – перевозить приговоренного к смерти на этой же самой тележке из темницы на место казни?

В средние века мы не находим примера, чтобы женщина была подвержена этому позорному наказанию; но в новом романе «Общий устав» мы находим известные обычаи, которые требуют, чтобы женщины, произносившие ругательные слова, были присуждены ходить по всему городу с привешенными к шее одним или двумя камнями. Мы этим не должны и не можем закончить перечень позорящих наказаний, к которым привлекались виновные единственно с той целью, чтобы заставить страдать их самолюбие и сердце, избавляя их от физических мучений. В средние века мы еще встречаем седло. Граф Гуго принужден был «явиться к воротам замка Ришара, герцога Нормандского, с седлом на шее. Он опустился на колени перед ним, чтобы тот мог сесть на него, если ему будет угодно». Измена и вероломство провинившегося вассала наказывались еще и другими специальными наказаниями. В 1423 году несколько дворян, взятых в плен, держали каждый в правой руке по обнаженной шпаге, острием к груди, в знак того, что они покоряются воле принца. Отсечение шпор над кучей навоза было также позорящим наказанием, как упомянуто в постановлениях Людовика Святого. По некоторым обычаям муж, позволивший своей жене бить себя, был принужден ездить по городу верхом на осле, сидящим лицом к хвосту. Наконец я должен

упомянуть древний обычай, который состоял в разрезании куска полотна перед тем, кто совершил какую-либо низость или подлость. История средних веков приводит замечательный пример этого обычая в царствование Карла VI. Король Франции пригласил к своему столу Гильома де Гено. Вдруг один герольд явился перед этим вельможей и разорвал ска-терть, говоря, что принц, не носящий оружия, не достоин вместе сидеть за столом с королем. Удивленный Гильом от-вечал, что он носит шлем, копье и щит, как и прочие кавалеры.

— Нет, всемилостивейший государь, этого не может быть, — возразил один из самых старых герольдов, вы знаете, что ваш двоюродный дядя убит фрисландцами, и что смерть его не отмщена. Наверное, если бы вы носили оружие, уже давно он был бы отмщен.

Мы знаем, каким образом этот урок подействовал на Гильома, отмстившего оскорбление своего семейства и восстановившего таким образом свою честь, потерянную или, по крайней мере, униженную этим публичным и позорным наказанием.

Глава IV. Бичевание

Бичевание есть одно из самых жестоких, и, вместе с тем, самых унижительных наказаний. Орудия, употреблявшиеся для этого, были весьма различны, смотря по странам и вре-

менам: то кнут, вооруженный кожаными ремешками или железными цепочками, то пук розг, часто тяжелая палка, переламаывавшая кости и разрывававшая мясо. Можно сказать, что употребление бичевания всеобщее: бичевали и еще бичуют в Египте, Персии, Индии, Китае, Риме, от Мадрида до Москвы, от Лондона до Константинополя.

Это наказание изобретено не только для преступления; им, кроме того, пользовались, чтобы показать власть господина над рабом. Илота сек спартанец, негра сечет плантатор, ученика – педагог. Даже отец сечет свое детище: так Клотер I, преследуя своего сына Храмна, схватил его в одной хижине, велел совершенно нагого распластать на скамье и сечь до смерти. История кнута – одна из самых разнообразных, самых богатых документами. Я приведу лишь самые интересные из них. Так мы находим в ней, что приговоренного к наказанию расстилали совершенно нагого на козлах, руки его были привязаны к турникету, а ноги – к колу; вытянув и сделав его таким жестоким образом неподвижным, палач без всякого милосердия раздирал его тело сильными ударами двойной или тройной нагайкой. Он его не оставлял даже тогда, когда все части его обагрялись кровью. Часто давали закрыться ранам и потом через несколько дней снова наказывали по этим же кровавым и гноящимся местам.

В те времена, когда Церковь предписывала публичные истязания, кающихся бичевали у подножия алтаря. Реймонд VI, герцог Тулузский публично высечен у дверей церкви

Святого Жилья в Валенсии за обвинение в ереси. Милон, легат папы, произнесший этот приговор, собственноручно привел его в исполнение. Людовик VIII, сын Филиппа-Августа, обвиненный в том, что он, несмотря на повеление Церкви; продолжал претендовать на английскую корону, должен был явиться с босыми ногами, в рубашке, с пучком розг в руках к дверям церкви Нотр-Дам в Париже, чтобы быть высеченным канониками. Наконец кардиналы Дюперрон и д'Осса, посланники Генриха VI. в Риме публично были наказаны папой, Клементом VIII, ударами розг, назначенных монарху как наказание и отпущение за его ересь.

По древним французским законам наказание плетью совершалось или публично, или же внутри темницы. При публичном бичевании осужденного, обнаженного до пояса и привязанного к задку телеги, волочили на каркане по всему городу, останавливаясь на каждой публичной площади; палач отсчитывал ему число ударов розгами, какое было назначено в судебном решении. Другой вид наказания производился в темнице пытателем или тюремщиком, чаще всего по просьбе родителей, на детях, не достигших еще совершеннолетия. В главе, посвященной истории палача во Франции, читатели увидят, что телесному наказанию кнутом подвергались и женщины; но из благопристойности бичевание производилось лишь женщиной.

Кнутом наказывались и праздношатающиеся бродяги, *saignardiers*, как их тогда называли. «Когда я

еще был мальчиком, – говорит Паскье в своих рассказах о Франции, – эти ленивцы, мальчики и девочки, повадились устраивать жилища под мостами, и Бог их знает, как они там хозяйничали. Помню также, что им было запрещено публичным повелением парижского превота под угрозой наказания кнутом находиться там, и так как некоторые не послушались, то я видел как наказывали с дюжину их под теми же мостами, и с тех пор они позабыли туда дорогу. Это место было названо Кеньяр, а их кеньярдье, как бы их хотели назвать канардье, потому что они, подобно уткам, избирали себе дом подле воды».

В семнадцатом и восемнадцатом веках также бичевали на перекрестках девушек, которые занимались развратом.

Из числа самых гнусных применений наказания кнутом мы должны упомянуть сечение солдат и детей. «Это истинная темница поработенной юности, – красноречиво восклицает в своих рассказах Монтень, – ее делают развращенной, наказывая ее, когда она еще не была таковой. Дошедши до этого, вы услышите лишь крики наказанных ребят и ослепленных яростью наставников. Такое средство возбуждать в этих нежных и боязливых сердцах охоту к урокам, принуждая их к этому зверскими лицами и с пучком розг в руках, – единственная в своем роде и пагубная манера действий. Прибавлю к тому то, что так хорошо замечено Квинтилианом, что это превосходство лишь имеет пагубные последствия, особенно при нашем образе наказания. Гораздо

благопристойнее было бы, если бы классы были усыпаны цветами и листьями, а не кровавыми обломками ивовых прутьев».

Вольтер, негодование которого против ударов палками уже достаточно объясняется возмутительными приключениями его детства, также восстает против телесного наказания детей. Но он входит в слишком большие подробности, чтобы я мог привести их. Нужно однако прибавить, что нравы и законы наши сделали в этом отношении блистательные успехи, и что за исключением некоторых столь же редких, сколь гнусных случаев можно смело сказать, что в настоящее время дети защищены от жестокости тех, кому поручено их воспитание. Наконец поняли, что моральные наказания имеют больше влияния на эти молодые сердца, открытые для советов, восприимчивые для всех благородных ощущений, чем линейка, и что система розг могла быть полезна для выучки подданных Китая, но не для воспитания граждан в свободных Штатах.

Наконец временное правление 1848 года вычеркнуло из морского уголовного устава булить или пропускание сквозь строй и удары кнутом, — последние остатки безумного и «варварского законодательства», — объявив, что телесное наказание позорит человека. Владычество палки ограничилось лишь турецкими тюрьмами.

Но в этом отношении примеру Франции далеко не последовали другие законодатели Европы. За исключением швед-

ского сейма, который, как мне кажется, в 1860 году отменил телесное наказание плетью, и египетского паши, уничтожившего бастонаду или палочные удары для своих солдат и моряков. Можно сказать, что бичевание еще в большой чести на нашей земле.

В России доселе существует плеть, орудие, составленное из длинных кожаных ремней, разрывающих на куски кожу, и розги. В Австрии в уставе 1853 года можно прочесть в 17-м и 20-м пунктах, что тюремное заключение можно сделать более строгим наказанием, присовокупив к нему удары розг или палок, число которых, по воле судьи, может доходить до пятидесяти. Венгры в числе прочих прав, которые требуют возвратить им, поместили и требование продлить удары до ста.

Сама Англия на своем заседании 1861 года утвердила наказание кнутом для своих сухопутных и морских войск по большинству голосов – 144 против 39.

Что подумать о нации, законодатели которой полагают, что дисциплина в армии может сохраниться только при существовании рабского страха?

Что такое солдаты, которые исполняют свои обязанности лишь под угрозой кнута?

Воинская добродетель, экзальтированное чувство чести, достоинство свободного человека – вот что составляет славу и доблесть наших армий и их непреодолимую силу.

Глава V. Истязания

Нет ни одной части в человеческом теле, которая не была бы предметом особенного наказания. Рука палача, казалось, отыскивала самую чувствительную, самую болезненную часть, проникая во внутренности осужденного. Глаза, рот, язык, уши, зубы, руки, плечи, ноги, сердце одинаково составляли источник страданий.

Ослепление, существовало преимущественно во время царствования первых двух поколений. Прибегали к наказаниям подобного рода к знатым лицам, которых опасались, но не осмеливались погубить их. Луи де Дебоннер приказал в 814 году ослепить Тулла – любовника своей сестры. То же было сделано итальянским королем, внуком Шарлеманя, а парламент Санлисский в 873 году приказал, чтобы восставший сын Карла Плешивого, Карломан, был лишен жизни.

Струя кипятка, накаленное докрасна железо, которое проносили перед глазами, пока они не сварятся, как описывает Жоанвиль, стальное острие, которое впускали во внутренность органа, вырывание его наружу – таковы были орудия и средства, которые употребляло правосудие в те времена варварства.

Язык был также во все времена предметом внимания законодателей. Людовик IX, один из самых мудрых и самых справедливых наших королей, приказал,

чтобы все богохульники носили клеймо на лбу, чтобы обжигали их губы и пронзали их язык каленым железом. Для этого наказания он придумал круглую накаленную железку, которую палач прикладывал к губам осужденного, привязанного к лестнице. Я должен сказать, что папа охулил этого короля – слишком ревностного защитника Господа Бога на земле.

Отец своего народа, Людовик XII, велел отрезать язык всем, кто богохульствовал семь раз кряду, а Людовик XIV восстановил этот закон. Ревность Франсуа I к торжеству католической религии побудила его изобрести новые муки, которые он приводил в исполнение в своих преследованиях протестантов. В числе еретиков, сожженных живыми 21 января 1535 года в присутствии этого принца, был один по имени Антуан Поаль, язык которого был пронзен и пришпилен гвоздем к щеке. Древние криминалисты повествуют, что этого рода наказания происходили обыкновенно перед входом в церковь, и, смотря по приказанию, палач употреблял для этого нож или острое каленое железо.

Карнаушание, то есть обрезание ушей, было в большом употреблении в первые века нашей эры. Оно служило наказанием рабу, прогневившему своего властелина. Два приказа: один – от марта месяца 1498 года и другой – от 24 июля 1534 года говорят об этом роде наказаний, который приведен в «Анжуйских обычаях», чл. 148, Луденоа, глава XXXIX, чл. 2, де Ла Марш и еще многих других.

Соваль рассказывает нам следующее об образе карнаушания в Париже: «У слуги вора или искусного мошенника обреза́ли за первую провинность одно, а за вторую – другое ухо, третье преступление наказывалось смертью».

«Когда первое воровство было значительно, то ему отрезали левое ухо, так как в ушке проходит вена, соответствующая естественным плодотворным органам, которая, будучи отрезана, делает человека неспособным к деторождению, чтобы подобное поколение не рождало на свет злостное и порочное потомство, которого и так на нем много. В Париже это делают на перекрестке, который виден от конца Нотр-Дамского моста, Сент-Жак-ла-Бушера и Гревом, на котором прежде находилась лестница, как у Тампля, было место, которое называлось Гиль-Орель по случаю этой экзекуции, а на искаженном языке в простонародии – Гиллори».

Даже зубы не были предохранены от прикосновения палача. В Польше в древние времена вырывали зубы у всех, кто был уличен в том, что в пост ел мясное. Их вырывали также у жидов, чтобы овладеть их деньгами, а Людовик XI после казни Жака д'Арманьяка, графа Нормандского приказал, чтобы его дети были отведены в Бастилию и помещены в те темницы, которые строением походили на плетенки, и чтобы им вырвали промежуточно все зубы.

Ампутация кисти руки – одно из увечий, которому больше всего противилась цивилизация. Устав 1791 года, чл. 4 заключал следующее: «Тот, кто будет

приговорен к смерти за убийство, поджигательство или отравление, будет отведен на место казни, одетый в красную рубашку. Голова и лицо убийцы будут покрыты черной тафтой; ее откроют лишь в минуту совершения казни». Но устав 1810 года, возвратившись к прежнему, прибавил, что убийце, как было при древнем законодательстве, отрубят кисть руки (чл. 13). Лишь в 1832 году уничтожили это бесполезное, недостойное образованного народа, наказание. Чл. 13, гласит: «Преступник, приговоренный к смерти за убийство, будет отведен на место казни в рубашке, с босыми ногами и покрытой головой. Он будет находиться на эшафоте, пока пристав не прочтет приговор, и затем немедленно казнен».

Вот уж точно прогресс! Но не заключается ли в формальности продолжительного чтения судебного решения остаток варварства, оскорбление человечества?

С каким затруднением это наказание исчезало из наших законов, легко судить, какие глубокие корни пустило это постановление в наши нравы. Исторические и судебные анализы наводнены примерами увечья – отнятием кисти. В 1849 году 24 марта Жеоффрою де Сент-Дизье отрезали кисть, за то, что он оскорбил королевского сержанта. В 1525 году Жан Леклер был осужден, за то, что опрокинул статуи святых: ему вытягивали калеными клещами руки, отрезали кисть, оторвали нос, и затем медленно жгли на костре. Баррьеру, покушавшемуся на жизнь Генриха IV, отрезали кисть, в ко-

торой он держал нож, когда хотел совершить это преступление. Печальное и возмутительное перечисление, которое бы, к несчастью, было весьма легко сделать гораздо длиннее.

Я опишу в нескольких словах, как производилось это наказание. Осужденный, встав на колени, кладет свою руку, обратив ее ладонь вверх, на плаху, и одним ударом топора или большого ножа палач отрубывает ее. Ампутированную часть всовывали в мешок, наполненный отрубями. Во времена действия закона 1810 года это увечье производилось с помощью ножа и на том же эшафоте, где была поставлена гильотина.

Едва прошло сто лет с тех пор, как это зрелище представлялось глазам на наших площадях!

Наконец мы подходим к концу описания, и последнее из них — ампутация ног, которая нисколько не была в чести, скорее, она наводила ужас. К ней прибегали лишь при первых королях Франции. Самый древний пример этого рода истязаний, который удалось нам найти, это, когда Фредегонда приказала отсечь руку и ногу священнику, которому она поручила умертвить Брюнего и которому не удалось это сделать. Кроме того, в ту эпоху было весьма обыкновенным наказывать таким образом рабов за легкие провинности, и в частных междоусобных войнах XI века часто случалось, что взятым в плен выкалывали глаза и отрубывали нижние конечности. Таким образом поступали Ангеран I, сеньор де Ку-си и граф де Намюр. Наконец мы находим в законах Людови-

ка Святого, что за вторичное воровство тоже отнимали ногу.

О таком роде наказаний, которое мы только что описали, можно сказать, что с их варварством может сравниться только их невежество.

В течение шести веков, начиная с 1272 и до 1832 года, на территории Франции было доказано, что ожидавшийся результат увечий, то есть исправление виновного, его желание смыть неизгладимое пятно бесчестия – химера столь же тщетная, сколь опасная... опасная без всякого сомнения, потому что увечье не только выбрасывало виновного из общества, предавая его всеобщему презрению, но и исключало его из круга человечества. Запятнанный несмываемым клеймом тот, кто лишь заблуждался до того времени, делался чудовищем, ответственность которого уменьшалась с потерей деятельности, которой его лишили. Разве общество может приказывать ходить тому, кого оно сделало калекой? Столь же жестокое, сколь несправедливое, могло ли оно заставить работать того, кого оно лишило рук и глаз?

Перед заключением этой главы, мне кажется, я должен сказать несколько слов о клеймении, которое по несмываемому пятну, налагаемому им на осужденного, может быть причислена к увечью.

Клеймо – наказание весьма древнее, известное еще римлянам под именем *inscriptio* (клеймение, надпись) – состояло в наложении на виновного несмываемого знака. До императора Константина клеймо ставилось на

лице. Этот принц приказал налагать его на руке или ноге для того, чтобы не позорить лица человека – образа небесной красоты.

Прежде во Франции виновного клеймили в виде лилии на какой-либо части его тела. Впоследствии налагали клеймо в виде V на плече, если виновник осужден за воровство, или буквами GAL, если он приговорен к работе на галерах. Позднее их заменили буквами TF (каторжная работа – travaux forces). Преступник должен был, стоя с обнаженными плечами на площади, переносить прикосновение железа, накаленного палачом. Быть может, этому роковому и вечному отпечатку следует отчасти приписать несчастья, причиненные обществу, освобожденными галерными невольниками. Ставя на осужденном вечное клеймо, из его сердца изгоняют всякую надежду вступить снова в общество и блистать в нем, раскаявшись в своих проступках. Это обидное клеймо, разлучившее его навсегда с обществом, себе подобными, врагом которых он делался поневоле, было отменено постановлением от 28 апреля 1832 года.

Глава VI. Наказания, сопровождаемые смертью

Смертная казнь была в употреблении у всех законодателей и у всех народов вселенной. К несчастью, она слишком долгое время должна была сопровождаться самыми жесто-

КИМИ ПЫТКАМИ.

Право наказывать составляет необходимость, тесно связанную с общественным порядком — это бесспорное право, которое составляет принадлежность каждого человеческого общества наблюдать за своим благосостоянием, и, следовательно, устанавливает различные наказания, если какое-либо преступление стремится к его разрушению; это священная обязанность целого общества защищать жизнь, честь и имущество каждого из своих членов против всякого насилия, потому что оно писалось и сохранилось только для того, чтобы пользоваться этой индивидуальной безопасностью. Поэтому везде, где только составлялся союз нескольких семейств, не замедляли явиться наказания, которые должны были разнообразиться, смотря по переменам в интересах ассоциации, или следуя успехам цивилизации.

По этому естественному и обязательному закону в продолжение длинного ряда столетий не возникало никаких сомнений насчет законности смертной казни ни во Франции, ни в других государствах. Сожалея о ее необходимости, самые человеколюбивые писатели ограничивались тем, что советовали заключить ее в самые тесные рамки. Некоторые из них выражали человеколюбивое желание, чтобы приводя ее в исполнение, исключили бы продолжительные муки, которые должен был переносить приговоренный к смерти. Но все публицисты, хотя и с сожалением, но смотрели на смертную

казнь без всякого замешательства как на необходимое наказание.

Таковы были мнения и привычки наших Европейских обществ, пока в последнем столетии один ученый итальянец Беккариа не издал книгу, в которой он восставал против смертной казни; это мнение несколько лет спустя было поддержано английским юрисконсультom Бентамом, и по этой причине оно должно было найти множество единомышленников среди тех, которым кровопролитие внушало отвращение. Эпоха, в которую происходили эти дискуссии, была весьма благоприятна для этого нововведения: умы Франции, расположенные к многочисленным реформам, должны были если не принять, то, по крайней мере, с вниманием и старанием проверить ее. Она сделалась в Собрании уполномоченных предметом основательных споров ученых. Несмотря на единодушие членов, составляющих оба комитета – конституции и законодательства – собрание ограничило число случаев, в которых могла быть смертная казнь, и уничтожила все, что она имела в себе варварского в различных видах исполнения, которые я рассмотрю на следующих страницах. Этот вопрос был возобновлен позже в национальном конвенте, и на этот раз без больших усилий было постановлено уничтожение смертной казни с отсрочкой до восстановления общего мира; срок, который постоянно отдалляли и который не настал даже тогда, когда во время Империи и в 1810 году был составлен новый Устав уголовных наказаний.

Этот Устав, как и постановление Конституционного собрания, предписывает смертную казнь только в некоторых случаях.

Восстановление верховной властью смертной казни не могло заставить ни молчать общественность, ни воспрепятствовать им дойти посредством своих публикаций до усовершенствования законодательства в самом важном из человеческих постановлений. Во время революции 1846 года, после выступления Шарля Люкаса и столь красноречивых страниц нашего великого поэта Виктора Гюго, вопрос о смертной казни был снова предложен нашим судебным палатам. Этот шаг был сделан потому, что отмена смертной казни была поддержана большинством голосов.

Не в плане нашего сочинения поддерживать идею многочисленных публикаций, появившихся «за» и «против» отмены смертной казни. Какова бы ни была судьба этого вопроса (да позволят мне это здесь сказать), но нельзя не признать великих услуг, которые оказал Беккариа¹, подняв его и открыв путь, по которому последовали столько других человеколюбивых и талантливых писателей. Поэтому мы не забудем, что, хотя эта новая и великодушная волна и не имела тех последствий, каких ожидал ее автор, но она, по крайней ме-

¹ Чезаре Беккариа Бонезана, маркиз Гуальдраско и Виллареджо (1738–1794) – итальянский мыслитель, публицист, юрист, философ, правовед, экономист и общественный деятель, считающийся одним из величайших представителей итальянского Просвещения, видный деятель Миланской школы Просвещения. – *Прим. ред.*

ре, принудила рассмотреть повнимательнее множество случаев, в которых присуждали к смертной казни, и значительно убавить число их. Эту казнь не только предписывали за умышленное убийство или заговор против правительства, но и за следующие провинности: похищение, неповиновение правосудию, даже без убийства, ложное банкротство, измена в службе полицейских офицеров, расхищение казны, за ложное свидетельство в важных случаях, воровство со взломом замков, даже если бы преступники и не имели при себе оружия, провоз контрабанды, если при этом участвуют пять человек и более, подделка печатей, домашняя кража, церковное святотатство, дуэль, даже если никто не будет ранен, и т. д.

Не входя в более подробные поиски памятников древнего законодательства Франции, чтобы найти в них еще и другие примеры ужасающего приговора к смертной казни, я хочу кратко изложить многочисленные наказания, которые уже почти не применяются, но которые были в употреблении с самых давних времен нашей эры.

Крест – самое древнее из всех наказаний, которые когда-либо выдумывались, притом самое жестокое; потому оно должно встать в первом ряду наказаний, описание которого я предлагаю читателям. Бывшее в употреблении в самой глубокой древности, оно и теперь еще в большом ходу в некоторых странах Азии и, например, в Японии, где распятие на кресте – весьма обыкновенное наказание.

Оно состояло в том, что преступника распинали на бревнах, сложенных весьма различным образом. Орудие казни первоначально состояло из бревен, всаженных в землю, к которым осужденного привязывали веревками или прибивали гвоздями. Часто этот столб заменяли просто деревом – тогда приговоренного прикрепляли или к пню, или же к различным ветвям, но обыкновенно крест составлялся из двух поперечно сложенных брусьев. Они имели либо Т-образную, либо же Х-образную, как мы изображаем крест Святого Андрея, или же, наконец, Y – в виде вилки, почему оно и носило название (*furca*). Кроме того, существовало бесчисленное множество крестов, устроенных различным образом, как, например, крест, на котором был распят Спаситель. Но не всегда они походили на первые три формы, на которые я вам указал.

Это разнообразие различных форм крестов объясняется тем, что латинское выражение *сгух* (крест) обозначает пытку и *сгучиаре* (распинать на кресте) – пытать. Римляне употребляли другие термины: *инфеleiх арбор* (бесплодное дерево), *инфелих лигнум* (бесплодный отрубок), *инфамес пати булум* (позорная виселица), которые применялись гораздо чаще, чем *сгух*.

Передовая общественность была не согласна с применением этой казни. Был ли осужденный прикреплен к кресту, который всажен в землю, как художники изображают распя-

тие Иисуса Христа? Как велико число употребленных для этого гвоздей? Приводился ли осужденный на казнь нагим или одетым? Опирались ли его ноги на планку или были также пригвозждены? Основываясь на самых правдоподобных источниках, мы только можем сказать, что осужденных сначала прибавали гвоздями к кресту, который был всажен в землю.

Греки и римляне на кресте предавали смерти своих осужденных. Евреи, напротив того, снимали их, переламывали бедренные кости в том случае, если они были еще живы, чтобы потом предать их земле. Этот верх жестокости имел всегда место, потому что перед тем как распинать осужденного на кресте, ему давали вино, настоянное подкрепляющими веществами, в особенности миррой, откуда происходит название мирного вина. Распав на кресте, им давали время от времени уксус, настоянный солнцевым цветом, который, по словам Плиния, обладает качеством останавливать кровотечение. Когда по приказанию приходили солдаты, чтобы переломать кости провинившемуся, то почти всегда они находили его уже мертвым. Тогда один из них прокалывал его копьем.

Цицерон, обвиняя Верреса² в противозаконном распя-

² Гай Веррес (120, 119 или 115 году до н. э. – убит в ноябре/декабре 43 года до н. э.) – римский политический деятель, происходивший, согласно одной из гипотез, из рода Корнелиев, городской претор 74 года до н. э. За многочисленные злоупотребления в период своего наместничества на Сицилии (73–71 гг. до н. э.) был осуждён и, не дожидаясь обвинительного приговора, добровольно ушёл в

тии одного из граждан, дает нам возможность судить о том, что от этого наказания не было избавлено население. Валерий-Максим описывает печальные подробности относительно такой казни. Раба, присужденного к наказанию плетью, волочили по самым многолюдным улицам города, привязанного за плечи приспособлением в виде вилки.

Наказание распятием было отменено Константином, и с той эпохи это орудие, считавшееся до тех пор позорным, сделалось предметом обожания христиан. Впоследствии, когда это наказание иногда и появлялось в последующие века, орудие казни носило вид креста Св. Андрея. В прошедшем столетии, во время сатурналий кладбища Сент-Медара, злосчастные квакеры распинали себя, но к счастью, эти случаи редки. В 1127 году Людовик Толстый велел распять Бертольда, главного злоумышленника убийства Карла Доброго, и приказал привязать возле него собаку, которую били время от времени для того, чтобы она злилась и кусала. Жалкий образ распятия головой вниз был в употреблении у македонцев, употреблялся иногда у евреев и еретиков во Франции.

Обезглавление, кажется, столь же долго существует, как и сама Вселенная. В Китае и Японии оно в ходу с незапамятных времен; в первой из этих стран оно считается самой позорной казнью, потому что умирающий не сохраняет своего тела в том виде, как ему его даровала природа. У римлян обезглавление

производилось двояким образом: топором – по древнему обычаю, *more majorum* – это было дело ликторов, и это наказание не было позорным; шпагою – в таком случае исполнителем был палач – и это считалось позорным. По-видимому, римляне первые воспользовались топором для выполнения этой казни. Осужденный должен был лечь, и ликторы били его прутьями до тех пор, пока он не падал, изнемогая от слабости.

Во Франции к отсечению головы присуждали дворян. Записи преисполнены подобными примерами, но одного из них достаточно, чтобы дать читателям понятие об образе его выполнения:

«В первый день июля месяца 1413 года парижский прево³ был взят во дворце, посажен на тележку с деревянным крестом в руке, облаченный в черный плащ на кунем меху, с ногами, зажатыми в тиски. В таком виде его отвезли aux Halles в Париже, и когда он увидел, что смерть его неизбежна, то встал перед палачом на колени, поцеловал маленькое изображение, которое носил на груди, простил ему свою смерть и просил всех, чтобы не разглашали о его казни, пока ему не отрубят голову. Так он и был казнен».

Эпоха, в которую отсечение головы было наиболее рас-

³ Прево (фр. *prévôt*, от лат. *praepositus* – начальник) – в феодальной Франции XI–XVIII веков королевский чиновник или ставленник феодала, обладавший до XV века на вверенной ему территории судебной, фискальной и военной властью, с XV века выполнял лишь судебные функции. – *Прим. ред.*

пространенным, относится ко временам Ришелье, который с целью оправдать свою политику напал на французское дворянство и велел отсечь топорами больше голов, чем пало их с начала монархии. Все умение выполнить эту капитальную казнь основывалось на ловкости палача, которая, к несчастью, приобреталась только навыком. История сохранила ужасающие примеры такой неловкости. Подобный случай имел место при казни мадам Тике. В Англии осужденный не мог принять несколько смертей вместо одной. Приговоренный, лежа, клал голову на бревно, не более шести дюймов толщиной, что делало казнь вернее и легче. Но поспешим прибавить, что, к несчастью, в Англии отсечение головы составляет милость, которую властелин из милосердия лишь изредка оказывает своему подданному. В большинстве случаев наказанием у них служит виселица. Эта казнь, существующая и по настоящее время в Германии, во Франции была заменена изобретенной, или лучше сказать усовершенствованной, доктором Гильотеном машиной.

Во Франции одновременно с обезглавливанием существовала и казнь на виселице. Как я уже сказал, к первому наказанию преимущественно присуждали дворянство; вторым — казнили преступников из простого народа.

Но было время, когда и дворяне подвергались этой казни: например, дворянин, изнасиловавший девушку, порученную его попечительству, был лишен дворянства, имущества, и,

если он употребил при этом силу, то его вешали. Наконец более знатные особы находились на виселице даже после смерти. В числе последних нужно упомянуть Ангеран де Мариньи – министра Филиппа Прекрасного, Жана де Монтегю – министра Карла VI, Оливье – фаворита Людовика XI, Жака де Бом де Санблансай – главного казначея в царствование Франсуа I, адмирала Коллиньи, труп которого даже сгнил. Карл IX со всем двором ездил смотреть, когда он был выставлен на лобном месте. При этом молодой монарх, приняв горестное выражение одного из римских императоров, сказал людям, которые держались отдаленно и таинственно: «Знайте, что тело убитого врага никогда не издаст зловония». Из числа жертв, которые были повешены после своей смертной казни, я должен еще упомянуть Делизля, одного из могущественнейших дворян XIV века, и Бриссона, который был преемником президента Гарлея.

Приговоренный к виселице должен был иметь на шее три веревки: первые две толщиной в мизинец, назывались тортурами, были снабжены петлей и служили для того, чтобы задушить осужденного. Третья называлась жетоном или броском. Она служила только для сбрасывания приговоренного с лестницы. Он сидел в тележке исполнителя верховных приговоров спиной к лошади. Подле него сидел исповедник, а позади – палач. Прибыв на место казни, где к виселице была приставлена и прикреплена лестница, палач первый всходил по ней задом и помогал ему при помощи веревки взойти

вслед за собой. Исповедник сходил на землю. Толчком ноги и с помощью жетона палач сталкивал осужденного с лестницы, и тот оставался висящим в воздухе. Затем, держась за перекладины виселицы, палач довершал казнь при помощи толчков коленом в живот приговоренного.

Казнь на виселице гильотины. До революции и в последующее время, когда она еще применялась у нас, к ней присуждали за множество преступлений и проступков: детоубийство, двоеженство, дезертирование или побег, производство фальшивой монеты, убийство. Не входя в слишком большие подробности относительно истории этого наказания у других народов, я должен сказать несколько слов относительно Англии, где оно не было заменено гильотиной и вследствие этого осталось единственной смертной казнью, не считая отсечения головы. Притом, если обвиненный уличен в каком-либо тяжком преступлении, то суд объявляет ему свой приговор в следующих выражениях: «Х... вы приговорены быть повешенным за шею и висеть на виселице, пока не будете мертвы, мертвы, мертвы». Осужденные преступники, ожидая казни, веселятся, сколько могут в своей темнице, едят все, что только им доступно и иногда посягают даже на свои собственные трупы, которые заранее продают хирургам. Осужденного отвозят на место казни в тележке, обитой черным материалом. Приехав туда, палач берет из рук приговоренного веревку, предназначенную для его казни, прикрепляет один ее конец к перекладине виселицы, а другой

— к шее осужденного. Затем он покрывает его голову колпаком, опускающимся до его подбородка; потом, по знаку первого шерифа, он ударяет кнутом лошадь, тележка отъезжает и осужденный остается висящим на виселице. Через час его труп снимают или отдают в анатомические школы (только казненных за убийство).

В XI столетии во Франции, когда сила и действительность контрактов основывалась единственно на показаниях свидетелей, существовал обычай: в день подписания акта бить молодых людей и детей довольно сильно, чтобы оставить в их памяти столь особый случай. Этот обычай существует еще и до сих пор в Испании: мать водит своих малолетних детей на место казни и при выполнении приговора сильно бьет их при последнем вздохе умирающего, для того чтобы пример, запечатлевшийся в их памяти, предохранил их от подобных преступлений. Виселица была в употреблении у всех народов. В Марокко, когда кто-либо был приговорен к этой казни, то его вешали на виселице за ноги, а затем перерезали горло. Летописи нашей истории рассказывают, как о случае необыкновенном, об одной женщине, повешенной в 1449 году, «потом этого более не встречалось во Франции».

Другой вид наказания, бывший во все времена, как у цивилизованных, так и у диких народов в большом употреблении, это — костер; но мы должны прибавить, что почти всегда к этому присуждались за весьма важные преступления. Фанатизм не

переставал зажигать костры, чтобы удовлетворить свое личное мщение под предлогом отмщения за обиды, совершенные против законов Божества; – тем не менее, как я уже, кажется, сказал выше, этот вид казни был также в большом ходу и у древних.

Вулькаций Галликус оставил нам страшное описание того, как он сжигал преступников, а именно: воздвигали огромный костер высотой в сто восемьдесят римских футов, на котором на различной высоте привязывали людей, осужденных на сожжение. Во Франции, с начала основания монархии и до 1789 года, этот род казни приводился в исполнение в тех случаях, когда дело шло менее о наказании преступников, чем о том, чтобы вселить ужас в умы граждан. Первоначально казнь на костре производилась следующим образом: сначала ставили столб длиною от семи до восьми футов, затем, оставив место для осужденного, устраивали четырехугольный костер то ли из брусьев, то ли из дров или же просто из соломы. Прежде чем костер достигал высоты человеческого роста, на него вводили приговоренного к сожжению, прикрытого лишь серой рубашкой, привязывали за ноги, шею и середину туловища к столбу, затем заканчивали построение костра, и со всех сторон зажигали его. Но чаще сжигаемые были избавлены от страдания стореть живыми, так как строители костра обыкновенно употребляли багор для перемешивания, и вонзали его так, чтобы острие его находилось прямо против сердца преступника, и в ту минуту, ко-

гда зажигали костер, багор втыкали таким образом, чтобы он мог пронзить ему сердце, лишив его жизни. В числе знаменитых примеров этого рода казни можно привести Жанну д'Арк. Как мы уже сказали, во Франции сожжением на костре наказывались не преступления, а чаще всего мысли. В царствование Людовика IX к этой казни присуждали за детоубийство. И мы читаем, «что если женщина нечаянно умертвит или задушит своего ребенка, все равно, днем или ночью, то в первый раз она не будет приговорена к сожжению; во второй – она будет предана сожжению, потому что это в ней указывает на преступную привычку». Но за исключением немногих примеров, во Франции костры возводили лишь в наказание вследствие религиозных мнений. Так сжигали жида за то, что он не христианин; протестанта – потому что он не католик; католика – потому что подозревали, что он атеист. Эта ужасная казнь сопровождалась следующими словами: «Ха... позабыв всякий страх к Господу Богу, вступив в вероотступничество и оскорбление Божественного Величества перед первым главой, опровергав Пресвятую Троицу, отвергнув нашего Господа».

В 1314 году пятьдесят девять тамплиеров были сожжены живыми близ аббатства Святого Антония; Жак де Моле и Гюи Дофин, сын Роберта II, были брошены живыми в пламя на том месте, где теперь стоит статуя Генриха IV. Двести один свидетель обвинил их в богохульстве Иисуса Христа. Истинное преступление тамплиеров заключалось в их богат-

стве. Чтобы ограбить тамплиеров, их нужно было обвинить в ужасных и возмутительных злодеяниях.

В Англии религиозное мнение было почти единственным преступлением, которое наказывалось сожжением на костре. Древняя статистика повествует о печальной смерти беременной женщины, которую сожгли как еретичку. В ту минуту как поджигали костер, ужас и страдания заставили ее разрешиться. Дитя было брошено обратно в пламя как ребенок еретички.

В Индии у диких народов Юга Америки огню предавали преимущественно неприятелей. Приведем пример, чтобы показать, каким ужасным пыткам они подвергали несчастного пленника:

«Они вонзают в землю огромный кол, к которому привязывают пленника; дикари, усевшись вокруг столба в нескольких шагах, зажигают большой костер, в котором накаляют топоры, оружейные стволы и другие железные орудия. Затем они подходят к нему, один за другим, и прикладывают к различным частям его тела докрасна накалинные орудия. Некоторые из них жгут его тело огненными головешками, другие посыпают его раны порохом, натирают ими все его тело и затем зажигают. Каждый истязает его, как хочет, и эта пытка продолжается от четырех до пяти часов, а иногда и более суток...»

Казнь, состоявшаяся в погребении виновного живым, была в употреблении у древних и в Риме. В первый раз она бы-

ла приведена в исполнение в царствование Тарквиния Древнего. От римлян, которые таким образом предавали смерти своих весталок, изменивших клятве целомудрия, этот род казни перешел во Францию, где, к счастью, ему недолго суждено было быть в употреблении. В царствование Пепена и его первых преемников жидов хоронили живыми. История сохранила нам еще несколько примеров в последующие времена: некто, по имени Прево, был похоронен живым по велению Филиппа-Августа за ложную клятву. В 1295 году Мария де Роменвиль, подозреваемая в краже, была зарыта живою в землю в Отельи по приговору бальи Сент-Женевьев. В 1302 году он также приговорил к этой ужасной казни Амелотту де Христель за похищение между прочими вещами юбки, двух колец и двух поясов. В 1460 году, в царствование Людовика XI, Перетта Маужер была похоронена заживо за воровство и укрывательство. Эта казнь, существовавшая долгое время в Англии, сохранилась в Германии для женщин, которые убивают своих детей.

В тюрьмах римлян, называвшихся туллианом, находилось очень высокое место, откуда сбрасывали преступников в пропасть, носившую название баратрума. Эта бездна, выстланная острыми камнями, была усажена железными кольями. Одни из них были обращены острием вверх, другие – вбок, чтобы разорвать и удержать осужденных. Без сомнения, этот баратрум древнего Рима и породил ублиетты или преисподнюю во Франции, предварительно устроенную

в темницах для осужденных на вечное заточение. В средние века встречались смерти, которые можно приравнять к вышеописанным. Они состояли в зарывании в землю заживо. Кто не знает истории убийств кардинала Ришелье? Они находились в его замке Байе и, открытые в конце прошлого столетия, представили взорам скелеты более сорока трупов с остатками их одежды, часами, драгоценностями и деньгами. Кардинал осыпал ласками и дружбою тех, на которых не мог нападать открыто. Он провожал их по потайной лестнице, внизу которой находилась бездна, ожидавшая жертву этой засады. Первыми, кто там остался, были те, которые сами же ее и вырыли. В 1804 году в Гренобле открыли убийцы, походившие во всем с римским баратрумом. Железные колья были заменены острыми лезвиями. Осужденный не мог избежать смерти: он умирал либо от ран, либо с голоду. Монастыри и аббатства In расе также имели свои преисподни. Прежде чем монах попадал в эту нору, где он должен был найти неминуемую смерть, его приводили в полное собрание монастырского духовенства, чтобы прочесть ему приговор. Потом его водили в процессии с крестами, свечами, кропильницей, кадилом близ In расе. Затем, пропев молитву за упокой, окропив и окадив преступника, снабдив его хлебом, кружкой воды, четками, освященными свечкой, его опускали в склеп, где он вскоре умирал от отчаяния и бешенства. В заключение скажем, что убийцы служили гораздо чаще орудием мщения и жестокости, чем помогали об-

ществу уменьшить число преступников.

Одной из жесточайших и мучительнейших казней древних времен было четвертование. Сначала при царствовании императора Аурелиана, хотевшего самыми строгими мерами восстановить дисциплину в римских войсках, солдат, совершивший преступление, – связь с женой своего начальника, – присуждался к четвертованию между ветвями двух деревьев.

К двум толстым сукам, которые наклоняли с большим усилием, притянув к себе, и которые с помощью веревок удерживали в этом положении, привязывали провинившегося солдата за ноги. Ветви, которые тотчас же выпускали из рук, разрывали тело несчастного на две половины. Но самый распространенный способ четвертования, который существовал до 1757 года, состоял в том, что осужденного привязывали за руки и за ноги к четырем сильным лошадям, тянувшим в противоположные стороны до тех пор, пока его конечности не отделялись от туловища... Почти всегда к этой ужасной казни приговаривали тех, кто покушался на жизнь Королевского Величества. Два часа страданий, описать которые невозможно, должен был перенести осужденный, прежде чем он отдаст Богу душу, Несмотря на эту утонченность жестокости, четвертованию предшествовали многие другие муки, которые еще более увеличивали его варварство. Преступник, будучи лишен всех прав и достоинств

и перенесший обыкновенный и экстраординарный допросы, без одежды отвозился в тележке на место казни. Его клали навзничь на спину посреди эшафота, от двух с половиной до трех футов высотой, к которому его прикрепляли цепями. Одна цепь обхватывала его грудь, а другая – бедра. Затем к его правой руке привязывали орудие, которым он совершил преступление. Потом ему вырывали щипцами куски мяса из бедер, из груди, рук и икр, и эти раны посыпали смесью воска, серы и смолы. По окончании этого прикрепляли веревку к ногам – от колена до стопы, и к рукам – от плеча до кисти; остаток веревки привязывали к вальку дышла лошади, которую заставляли сначала тянуть тихо, а потом изо всех сил. Чаще всего, несмотря на усилия четырех лошадей, части тела не отрывались. В таком случае палач делал надрезы в каждом сочленении для ускорения казни. Каждая лошадь отрывала по части: и эти кровавые останки собирали и бросали в костер и сжигали. Таким печальным и жестоким образом после Жана Шастеля, ранившего в 1595 году Генриха IV ударом ножа в лицо, были казнены Равальяк и Дамиенс – эти два цареубийцы.

Казнь посредством колесования существует с самой глубокой древности, если не принимать во внимание, что она состоит в переламывании частей тела. Не поместила ли мифология пытку подобного рода в свой ад? Поэты никогда не говорили об этом месте кары, не упоминали о колесе, которое «постоянно вертит

Иксион». Если правда, что казнь колесованием была в употреблении уже у древних народов, то она была восстановлена в Германии и сделалась эквивалентом того, что можно назвать «быть заживо разломанным».

До прихода на престол Франсуа I во Франции она употреблялась мало. Грегора Турский I рассказал о ее свершении, некоторых клали на колею дорог и, вбив в землю колья, переезжали через преступников тяжело груженными повозками и таким образом переламывали кости этих несчастных, а останки отдавали на съедение птицам и псам. Но в этом еще не состояла истинная казнь колесованием, по крайней мере, она была не такой, какой впоследствии должна была сделаться. Сюжер в «Жизнеописании Людовика Толстого» приводит пример, в котором эта казнь начинает принимать тот вид, под каким она столь часто повторялась во Франции, начиная с XVI столетия. Это ужасное наказание состояло в том, что осужденного клали с раздвинутыми ногами и вытянутыми руками на два бруска дерева, вытесанного и сложенного в виде креста Святого Андрея таким образом, что каждая часть его тела помещалась над пустым пространством. Палач переламывал ему с помощью железного шеста руки, предплечья, бедра, ноги и грудь. Затем его прикрепляли к небольшому каретному колесу, поддерживаемому столбом. Переломленные руки и ноги помещали за спину, а лицо казненного обращали к небу, чтобы он принял смерть в этом положении. Я должен прибавить, что часто вследствие *retentum*

судьи приказывали умертвить осужденного, прежде чем переломить ему кости.

Если верить Талеману де Рео, автору довольно подозрительному, то в XVII веке любители казней жаловались на то, что их лишали таким образом части зрелища. Как бы то ни было, но этот вид казни был одним из самых распространенных во Франции, и ужасно говорить о том, что много невинных жертв были замучены с таким варварством, которое едва ли можно встретить у самых диких и необразованных народов. Колесование было уничтожено во Франции лишь во времена революции, когда в 1790 году был издан указ, что гильотина будет с этих пор единственным орудием смертной казни.

В 1181 году Филипп II Август издал указ о том, что все, кто произносит позорные ругательства, должны были уплатить штраф, если они принадлежали к дворянству, и быть утоплены, если они происходили из простого народа. Карл VI распространил это наказание на всех, кто был уличен в мятежных и возмутительных замыслах. Этих несчастных помещали в мешок, который завязывали веревкой и бросали в воду. Луи де Боа-Бурдон, отличившийся в различных случаях и обстоятельствах, в том числе и в д'Азенкурской битве, однажды по дороге в замок Винсен, куда он шел для свидания с королевой Изабеллой Баварской, встретил короля, возвращавшегося оттуда, которому он поклонился, но не остановился и не встал на колени. Узнав его, Карл VI прика-

зал Танегю и Дюшателю, парижскому превоту, взять его под стражу и отвести в темницу. В ту же ночь он был допрошен, затем заключен в мешок и брошен в Сену. На мешке были написаны следующие слова: «Дайте дорогу королевскому правосудию». Людовик XI также присудил некоторых к этому наказанию; но этот вид казни был немногочисленный во Франции и исчез несколько лет спустя после смерти этого монарха.

Другой вид казни, может быть, ужаснее предыдущей, состоял в том, что с живого осужденного сдирали кожу. Я должен, к несчастью, сознаться, что во Франции он употреблялся довольно часто. Маргарита, Жанна и Бланш – супруги сыновей Филиппа Прекрасного – были обвинены в прелюбодеянии. Жена Людовика Гютена, Маргарита Шарль-Бланш, уличенная в совершении прелюбодеяния с Филиппом и Готье д'Ольнай были заключены в замок Галльяр д'Аделис, а с их обожателей живьем содрана кожа.

В 1366 году камергер графа де Руси был предан этой казни за то, что изменнически впустил англичан в Леон. В те времена, когда междоусобные распри арманьяков и бургиньонов покрывали Францию кровью и развалинами, констебль д'Арманьяк был выдан своим врагам каменщиком, у которого укрывался. Неприятели содрали с него кожу и вырезали на его трупе крест Святого Андрея для того, чтобы он после своей смерти был бургиньоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.